

ЯНА ЮМАТОВА

РЕЙС В ПРОШЛОЕ

ДОЧКА В ПОДАРОК

Яна Юматова

Рейс в прошлое. Дочка в подарок

«Автор»

2026

Юматова Я.

Рейс в прошлое. Дочка в подарок / Я. Юматова — «Автор», 2026

— Это здесь коклеты раздают? Открываю глаза. Рядом со мной стоит девочка лет пяти, одетая в розовый спортивный костюм, с двумя растрёпанными косичками и огромными синими глазами. — Что? — моргаю я, пытаюсь убедиться, что мне это не показалось. — Кок-ле-ты, — терпеливо повторяет ребёнок, наклоняя голову. — Ну эти, кругленькие такие, из курицы - мяса. Этого мне еще не хватало! Оглядываюсь в поисках родителей девочки или стюардессы, но поблизости никого нет. — Эй-ей, подожди! Это не твоё место, возмущаюсь я, когда создание в розовом устраивается на сидении рядом. — А мне тётя-стюардесса сказала тут сесть. — Не может быть, - шурюсь я. — Может! Так и сказала - иди и сядь к папе!***Шесть лет назад на этом же рейсе я попал в жуткую турбулентность. Моя соседка по самолету все никак не могла успокоиться, а я не нашел другого способа вывести бедняжку из шока, как переспать с ней. А теперь эта девчонка заявляет, что я ее папа. Сколько ей? Лет пять?

© Юматова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Яна Юматова

Рейс в прошлое. Дочка в подарок

Глава 1

Виталий

Самолёты я не люблю. Стараюсь обойтись вагоном СВ скоростного поезда, где возможно, выкупаю целиком купе для себя. Терпеть не могу случайных пассажиров, которые всегда норовят излить на тебя свои душещипательные истории. Или еще как-то потревожить мое спокойствие.

Но еще больше я не люблю детей, которые обязательно есть в каждом самолете. И которые, как по команде, обязательно начинают орать на взлете или на посадке. В особо “удачных” случаях, они орут весь полет.

В этот раз командировка выдалась спонтанной, да еще и в разгар туристического сезона. Билетов на поезд просто не было. Но на всякий случай наорал на помощницу и пригрозил уволить за несоответствие, когда она блеяла в трубку, что на поезде я не смогу уехать всю ближайшую неделю.

Скрипя сердцем и чертыхаясь про себя, поднимаюсь на борт самолета по маршруту Мин-Воды - Москва. Надеюсь, в этот раз со мной ничего непредвиденного не случится. Как тогда, шесть лет назад...

Изгоняю из головы ненужные воспоминания и устраиваюсь в салоне бизнес-класса на свое место. По крайней мере здесь тихо и никаких детей нет.

Пилот обещает хорошую погоду на всем пути, и я чуть расслабляюсь. Что ж, два раза в одну реку не войдешь, говорят. Нужно расслабиться и просмотреть свежие сводки по прибыли.

Погружаюсь в графики, иногда с легким раздражением отвлекаясь на предложения то воды, то чая, то еще чего-то.

Жаль, что здесь нет перегородки.

Вдруг ноут жалобно пищит и гаснет. Черт, неужели разрядился? Ищу разъем для зарядки, но не нахожу.

Стюардесса виновато объясняет, что именно в этом самолете, разъемы не предусмотрены, потому что старая модель воздушного судна. Предлагает шампанского. Но на кой черт оно мне сдалось?

Раздраженно отмахиваясь, захлопываю ноут и откидываюсь на спинку, прикрыв глаза.

До посадки около часа осталось, может, подремать? Дома опять бессоница замучает...

Но и это не удастся, потому что вдруг рядом со мной раздается голосок:

— Это здесь кокетки раздают?

Открываю глаза. Рядом со мной стоит девочка лет пяти, одетая в розовый спортивный костюм, с двумя растрёпанными косичками и огромными синими глазами, полными ожидания.

— Что? — моргаю я, пытаюсь убедиться, что мне это не показалось.

— Кок-ле-ты, — терпеливо повторяет ребёнок, наклоня голову. — Ну эти, кругленькие такие, из курицы - мяса.

Этого мне еще не хватало! Оглядываюсь в поисках родителей девочки или стюардессы, но поблизости никого нет.

— Наверное, — отвечаю я. А что мне еще сказать? Я вообще не знаю, как общаться с этими странными существами.

— То есть ты не уверен на сто процентов? - она склоняет голову на другой бок и сканирует меня огромными глазищами. Мне аж не по себе.

— Нет, не уверен, - выдавливаю я.

— Тогда зачем говоришь? — укоризненно качает головой она и залезает на кресло рядом со мной.

— Эй-ей, подожди! Это не твоё место, - этого мне еще не хватало! Куда вообще экипаж смотрит? И мамаша ребенка?

— А мне тётя-стюардесса сказала тут сесть.

— Не может быть, - шурюсь я.

— Может! Так и сказала - иди и сядь к папе! И на тебя показала, - пожимает плечами девчонка.

Она устраивается поудобнее, свешивает ножки с кресла и задумчиво качает ими, пока я пытаюсь устранить сбой в мозге. Какой, нахрен, папа???

— А ты не знаешь, почему эта тётя решила, что ты мой папа? - вторит моим мыслям создание в розовом.

— Я бы тоже хотел знать, какого че..., — я осекаюсь и пытаюсь подобрать более приличное слово, - какого лешего эта тетя так решила.

— Ты Лешего знаешь? - оживляется малявка. - А Кощей Кощеича тоже?

Опять смотрит на меня своими глазищами. Как будто в самую душу заглядывает.

— Нет.

— А чего тогда про них говоришь? — девочка хитро прищуривается.

— Я не говорю...

— Говоришь, говоришь. Только что сказал - какого Лешего! Я сама слышала! - упрямо и осуждающе говорит девочка. А меня накрывает псих потихоньку. Еще не хватало с ребенком спорить!

— Послушай, Маленькая...

— Я не Маленькая. Я Малинка.

— Маринка? - переспрашиваю я, решив, что она букву "р" еще не выговаривает.

— Нет, Малинка, — терпеливо повторяет она и неожиданно начинает петь:

— Ягода-малинка, о-о-о! Крутит головой, залетая в дом!...

Растерянно смотрю на это чудо, автоматически отмечая, что у девчонки есть слух.

— М-да, — выдыхаю, закатив глаза.

— Ты что, не знаешь эту песню?

— К счастью, нет.

— Её все знают! Ты что, в пещере живешь? - Она качает головой с таким видом, будто я потерял для общества, и продолжает болтать:

— А ты хоть знаешь, что бабочки пьют слёзы?

— Что?

— Ну да! И пот тоже пьют. Они садятся и высасывают его. Ужас, да?

Я сглатываю, пытаюсь вспомнить, в каком кармане лежит успокоительные таблетки, которые на последнем приеме прописал невролог.

— И кузнечики тоже это делают. Бабушка говорит, что всё в мире взаимосвязано. А ты согласен?

Устало потираю лицо. Я на что угодно согласен, лишь бы от меня немедленно убрали этот незатякающийся экземпляр детеныша хомо сапиенса.

— Малинка, ты с кем вообще летишь? Родители твои где?

— Мама со мной летит. Она там спит, - Малинка машет в сторону эконо-класса.

Меня берет злость на нерадивую мамашу. Ну как так можно - летит с ребенком и спать завалилась?! Лишить бы таких тетерь родительских прав.

— Я ей капельки в воду накапала, она и заснула, - продолжает девочка.

— Какие ещё капельки?

— Да бабулины. Она их пьёт для нервов. А мама очень не любит самолёты. Я подумала, что она будет сильно нервничать, и подлила ей капельки в воду.

— О боже...

— Не волнуйся, они натуральные! Так бабуля говорит, - Малинка хватает со столика мои очки и мгновенно цепляет себе на нос. - Твои глазки тоже старенькие? Зачем тебе очки?

Забираю очки с золотой оправе от Картье и молча прячу в футляр.

— Жадина, - Малинка кривит нос и показывает мне язык.

Закрываю глаза, призывая все силы не дать мне сорваться. Жму на вызов стюардессы, но всех их как ветром сдуло.

— Где твоя мама? - спрашиваю, вложив всю строгость в голос.

— Я же сказала — спит!

— Где?

— Там, — Малинка неопределённо машет рукой в сторону салона эконом-класса.

— Веди меня к ней.

Девочка нехотя выбирается из огромного кресла и топает в эконом-класс. Я за ней, в уме подбирая фразы для безответственной мамы. Как бы там ни было, засыпать в самолёте с ребёнком нельзя! Вдруг экстренная ситуация!

Почти в самом хвосте Малинка останавливается.

— Там, — показывает она.

Открываю рот, чтобы начать свою гневную речь, но слова застревают в горле, а я не могу отвести взгляд от спящей у окна девушки. Темно-каштановые волосы, собранные в небрежный хвост, лицо с матовой кожей цвета костяного фарфора без единого грамма косметики, пухлые розовые губы, которые сейчас слегка приоткрыты, когда она спит.

Мне кажется, это дежавю.

Шесть лет назад, этот же рейс, этот же маршрут. Из-за плохой погоды самолёт попал в жуткую турбулентность. Моей соседкой оказалась молодая девушка, которая вцепилась в мой рукав, как клещ. Она была в панике. Когда борт отправили на запасной аэродром в другом городе, в гостинице, где разместили пассажиров, не хватило номеров на всех. Мы оказались в одной комнате с одной кроватью.

Она все никак не могла успокоиться. А я не нашел другого способа вывести бедняжку из шока, как заняться с ней сексом.

— Мамочка! — Малинка тянет её за руку. — Вставай!

Девушка морщится, распахивает голубые глаза...

И тоже застывает.

— Ты?!

Глава 2

Полина

Просыпаюсь от того, что кто-то трясёт меня за руку.

— Мамочка, вставай!

Сон мгновенно рассеивается. Открываю глаза и моргаю, пытаюсь сфокусироваться. Вижу перед собой довольное личико дочки и улыбаюсь. Но вдруг замечаю за ее спиной высокого мужчину.

Широкие плечи, строгий костюм, дорогие часы, темно-русые волосы, подстриженные по последней моде и серо-голубые глаза с холодным прищуром.

Только не это!

Дыхание сбивается, сердце начинает колотиться так, что его стук заглушает объявление бортпроводника по громкой связи.

— Ты?!

Голос хриплый, будто я не говорила несколько дней. Но я в шоке, потому что никак не ожидала встретиться с Виталием Марковым снова.

С кем я шесть лет назад летела этим же рейсом. С кем я провела ночь, перепутав панический страх с чем-то другим. С тем, кто наутро просто исчез, не сказав ни слова.

Ох не зря я всеми способами хотела избежать самолета. Но на поезд билетов не было на ближайшую неделю, а в новую кампанию нужно было выходить уже через два дня.

Я резко сажусь, чувствуя, как кровь уходит из лица.

— Что ты здесь делаешь?

Виталий смотрит на меня с тем же выражением, что и я на него. Глаза прищурены, лицо напряжено, будто он тоже только что получил по голове чем-то тяжёлым.

— Лечу, — медленно отвечает он. — А ты?

— Я... тоже, - нервно поправляю волосы и разглаживаю несуществующие складки на брюках.

— Мам, — Малинка дергает меня за рукав, — представляешь, этот дядя не знает песню про ягоду-малинку!

Я резко смотрю на неё, потом на Виталия.

— Что?

— Твой ребенок весь полет терроризировала меня вопросами, — сухо объясняет он, но взгляд его остаётся прикованным к моему лицу. - Пока ты спала.

Мне становится страшно. Малинка за пять минут может кого угодно довести до белого каления. А если она провела с ним хотя бы половину полета, то он не только на грани нервного срыва может находиться. Он наверняка заметил сходство девочки с самим собой. Потому что она - живая мини-версия Виталия Маркова с косичками и розовыми бантиками.

Протягиваю руку к дочке и усаживаю ее на сиденье рядом, пристегиваю ремнем безопасности.

— Ты чего убежала? - пытаюсь говорить строго и при этом демонстративно не смотрю на Маркова. Мне нужна передышка, иначе мысли рискуют разнести мою черепушку.

— Мам, я не убегала. Просто ты спала, а я не спала, - в голосе дочки искреннее возмущение.

— Сколько раз я тебе говорила, что нельзя уходить от мамы?

— Но я же не просто так, — снисходительно объясняет Малинка. — Я пошла искать кокетты. И нашла его.

Малинка выпячивает подбородок, указывая на Виталика.

— Надеюсь, она не очень тебя утомила, - говорю, поднимая взгляд на Маркова, который, кажется, не собирается никуда уходить. - И спасибо, что проводил ее ко мне.

— Не за что, - кажется, он хочет что-то спросить, но ему приходится отойти вперед салона, чтобы пропустить стюардессу.

Не успеваю выдохнуть от облегчения, как Малинка с громкостью сирены радостно объявляет:

— А эта тетя сказала, что он мой папа!

Стюардесса останавливается возле нас, приветливо улыбается и делает контрольный в голову:

— Потому что ты - его маленькая копия, только с косичками.

Она вручает Малинке сумку с подарком от авиакомпании и удаляется, а на ее месте мгновенно возникает Марков. И по его лицу видно, что он прекрасно слышал все. И теперь он сканирует лицо дочки не хуже рентгена.

Как будто в его голове щелкает головоломка, выдавая сотни вариантов возможных последствий событий шестилетней давности.

— Малинка, — медленно говорит. — А сколько тебе лет?

— Пять с плюсом, — важно отвечает дочка.

И у меня внутри все ухает вниз.

Ненавижу самолеты!!!

От необходимости ответить хоть что-то на округлившиеся глаза Маркова меня спасает объявление о посадке. Виталику приходится вернуться на свое место. А я считаю минуты, когда можно будет покинуть воздушное судно и затеряться в толпе пассажиров.

— Мы прилетели! — радостно объявляет Малинка, когда пассажиров приглашают к выходу.

Хватаю дочку в одну руку, рюкзак в другую и пулей несусь в зал прилета. Багажа у нас нет, поэтому есть шанс ускользнуть незамеченной. Подальше от Маркова и объяснений.

Но на выходе из зала прилета меня окликают.

Я оборачиваюсь и вижу, как он смотрит на меня. Испытующе. Будто ждет, когда я начну оправдываться.

Так, спокойствие, только спокойствие, как говорил Карлсон. Я не должна выдавать себя.

Но внутри уже всё горит от воспоминаний о том полете шесть лет назад.

Как я смертельно боялась турбулентности. Как вцепилась в руку соседа и не отпускала, пока мы не оказались в гостинице.

Как потом сидела в номере, который в суматохе нам достался один на двоих, сжимая бокал вина, и слушала, как он говорит, пытаюсь отвлечь меня от страха.

Как всё завертелось. Как утром я проснулась одна.

Как пыталась найти его, когда узнала, что беременна.

Как потом увидела его фото в новостях и поняла, что он не просто случайный попутчик, а человек из другого мира. Как слышала его интервью, где он сказал, что не хочет в своей жизни ни семьи, ни детей. А на вопрос журналиста, что он сделает, если какая-то женщина предъявит ему ребенка от него, он ответил, что пошлет ее куда подальше, потому что она врет.

Больнее всего тогда задела именно эти его слова.

Я оставила ребенка и ни одной секунды не жалею о своем решении. Потому что Малинка - смысл моей жизни!

А теперь этот мужчина снова появился в жизни. И я не знаю, что за игру со мной затеяла судьба.

Мы идём через аэропорт. Малинка скачет впереди, не подозревая, что каждый шаг для меня — пытка.

Не могу избавиться от мысли, что он наблюдает за дочерью. Что он сравнивает ее с собой и что уже всё понял.

— Ты часто летаешь? — вдруг спрашивает он.

— Нет. Ненавижу самолеты, - качаю головой, не отводя взгляда от бегущей впереди дочки.

— Я тоже не люблю летать.

— И все же мы встретились в небе, — говорю я.

— На том же самом рейсе.

Чувствую на себе его вопросительный взгляд.

— Ты так на меня смотришь, — говорю я.

— А как мне на тебя смотреть?

Я отвожу глаза.

— Всё в порядке? — спрашивает он уже мягче.

Я киваю.

— Ты выглядишь как человек, который увидел призрака.

— Потому что ты и есть призрак, — срывается у меня.

Он поджимает губы.

— Интересно, это комплимент или оскорбление?

— Просто факт.

Малинка крутится вокруг нас.

— Мам, а этот дядя хороший.

— Этот дядя незнакомый тебе, а ты с ним разговаривала. Я же тебе говорила, что нельзя болтать с незнакомцами! - укоряю дочку.

— А он уже мой знакомец! - улыбается Малинка. - Мы познакомились в самолете же.

— Может пойдём поужинаем вместе? — вдруг предлагает Виталик.

— Нет, - кто-нибудь из этих двоих точно доведет меня сегодня до инфаркта.

— Почему?

Делаю шаг назад.

— Нам пора.

Малинка тянет меня за руку.

— Мамочка, а мне нравится этот дядя. Можно мы с ним подружиться?

— Пойдём, Малинка. Прощай, Виталик.

Тяну её к выходу, чувствуя, как внутри всё дрожит.

Призраки прошлого не отпускают так просто.

Глава 3

Полина

Мы с Малинкой лежим на раскладном диване в комнате брата, втиснутом между старым письменным столом, велосипедом и стопками коробок с надписью «Не выбрасывать, пригодится».

За окном — жужжат машины, в кухне шуршит Лёша, гремит чайником и поёт что-то про "все пройдет, и печаль, и радость...".

Закрываю глаза и впервые за этот день позволяю себе выдохнуть.

Кажется, пронесло.

Не пришлось ни объяснять, ни врать. И — самое главное — Марков и не спросил ничего про ту ночь и про дочку.

Он просто проводил нас взглядом, нахмурился и остался в прошлом.

Пусть и дальше там остается. А мне нужно сосредоточиться на первом рабочем дне, который будет уже завтра.

— Мам, а ты знаешь, что у дяди Лёши сосиски с хвостиком? — Малинка обнимает меня, зевает и тычется в плечо тёплым лбом.

— Это охотничьи колбаски, зай. — Я улыбаюсь, и внутри вдруг всё наливается нежностью.

Живём. Дышим. Вместе.

И никакие бесчувственные бизнесмены нам не страшны.

Утро начинается с того, что я не могу найти свою туфлю.

Одна есть — лакированная, строгая, с аккуратным каблучком. А вторая...

— Малинка, ты не брала мамину туфельку?

— А ты что, в Золушку превратилась? — спрашивает дочь, с интересом поглядывая на меня. Нужно срочно ее отвлечь, иначе мы все вместе будем играть в Золушку. Вместе с Лешкой, которого сделают конем.

— Нет, доченька, я ни в кого не превратилась. Но вот если я сейчас же не найду туфельку и опоздаю на новую работу, то злой Кашей меня точно превратит в кого-то.

— И тогда у меня не будет мамы? — Малинка задумчиво смотрит в одну точку, как будто прикидывая плюсы и минусы такой перспективы.

— Вспомнила! — объявляет она через пару минут. — Домовая фея решила, что твоей туфельке нужна спа-процедура. Потому что она очень устала. Малинка резво спрыгивает с кровати и несется на кухню. Слышу звук открывающейся дверцы микроволновки и тут же вижу торжественное лицо дочки, несущей мне туфлю.

— Вот, теперь туфелька отдохнувшая, — Малинка вручает ее мне и шмыгает в кровать.

— Спасибо, родная.

На работу я влетаю с чуть мокрыми волосами, тушью, размазанной на веке, и ощущением, будто я пробежала марафон.

Офис — стеклянный, светлый, с большим рецепшеном, кофемашиной и запахом дорогого ремонта. Меня встречает девочка из отдела кадров, вручает мне пропуск и проводит в наш отдел.

В юридическом отделе мне объясняют мои обязанности, показывают рабочий стол и оставляют с кипой папок.

Коллеги приветливые, никто не смотрит косо на новую сотрудницу. Наоборот, кажется, даже рады лишним рукам и голове. Погружаюсь в документы и даже почти расслабляюсь.

Пока начальник отдела не сообщает о срочном совещании и у генерального.

В отделе суета, все в спешке что-то распечатывают, носятся с файлами. А я продолжаю разбирать бумажки. Я первый день в фирме, уж точно гендиру до фонаря младший сотрудник, который ничего не решит.

— Полина, тебе тоже будет полезно присутствовать на совещании, - возле моего стола возникает начальница, Тамара Владимировна. - Как раз вникнешь в самые насущные дела.

Молча киваю и иду со всеми. Беру с собой блокнот, чтобы сделать пометки и потом порасспрашивать у коллег нюансы.

Конференц-зал на третьем этаже. Коллеги из юридического уже почти все поднялись — я задержалась, чтобы распечатать документы, которые мне велели захватить. Тонкая пачка в руках, прохожу мимо зеркала в коридоре и машинально поправляю волосы. Выдох — и открываю дверь.

Вхожу в зал. Слышится шелест бумаги, кто-то неловко кашляет.

Мои глаза цепляются за фигуру во главе огромного стола.

Он. Блин, опять ОН!

Марков Виталий Сергеевич.

Мужчина, которому я пожелала остаться в прошлом.

Которого надеялась больше никогда не увидеть.

А он — генеральный директор.

Генеральный. Директор. Этой. Компании.

На миг у меня подкашиваются колени, а под мышками потеет от страха.

Конечно, он тоже меня замечает.

Его взгляд останавливается на мне — всего на пару секунд.

Но этого достаточно. Секундная пауза.

И только по еле заметному напряжению в его челюсти становится понятно — он тоже не ожидал. Но берёт себя в руки моментально.

— Доброе утро, — говорит он спокойно, даже с лёгкой хрипотцой в голосе.

Плюхаюсь на свободный стул. В груди дрожит, но я щипаю себя под столом, чтобы успокоиться.

Он продолжает:

— У нас накопились вопросы по новым изменениям в контрактной системе. Мне бы не хотелось штрафов и проволочек. Давайте коротко: где у нас слабые места и что можно усилить.

Юристы начинают по очереди высказываться. Сухо, по пунктам. Кто-то мямлит. Кто-то старается блеснуть. Я слушаю, делаю вид, что уверена. Хотя в голове шумит кровь.

Один из вопросов касается нестандартной поставки с разными сроками и несколькими подрядчиками. Старший юрист неуверенно что-то объясняет.

И я понимаю — знаю, как можно упростить. Так сделал главный юрист в предыдущей компании, где я работала.

— Простите, а если не объединять поставку в один лот, а разбить по функционалу, мы обойдёмся без допсоглашений и не попадём под новую редакцию условий. Это будет быстрее и безопаснее юридически, - выпаливаю я и ловлю на себе удивленные взгляды коллег.

Тишина. Марков поднимает на меня глаза.

— Полина, вы только приступили к работе...- начинает один из юристов, - но Марков поднимает руку, обрывая его.

— Хорошее предложение. Возьмите на себя подготовку внутренней записки по этой теме. Сегодня до вечера.

— Да, конечно.

Совещание заканчивается. Люди собирают бумаги, уходят.

Я встаю последней, чтобы не мелькать под его взглядом.

Но он вдруг говорит:

— Полина, задержитесь на минуту.

Сажусь обратно, а внутри все деревенеет от напряжения.

— Какое удивительное совпадение, — произносит он, глядя на меня так, как будто в чем-то подозревает.

— Мир тесен, — пожимаю плечами, пытаюсь сделать вид, что ничего такого не произошло. Но горло от волнения пересыхает.

— Как Малинка? — тихо.

Имя падает между нами как камешек в воду. Ровные круги по поверхности. Глубокие — внутри.

— Хорошо, — отвечаю, стараясь не выдать дрожи.

Марков молчит и как-то странно на меня смотрит.

— Ну, я пойду? — спрашиваю я. Мне очень неуютно с ним наедине.

— Еще один вопрос, — он соединяет пальцы своих рук и упирает локти в стол. — Ты же все это не специально затеяла?

— В смысле? Что затеяла? — его вопрос сбивает с толку.

— То, что произошло между нами несколько лет назад, — Виталик делает паузу, как будто подбирая слова. — Имело какие-то ... последствия?

До меня доходит смысл его вопроса. Ладонки потеют и я под столом незаметно вытираю их об юбку.

— Нет! — ответ получается слишком поспешным и немного нервным. Я делаю вдох, — никаких последствий.

— Малинка по возрасту ... — начинает он, но я обрываю.

— Нет, Малинка — не твоя дочь. Абсолютно. Совсем. Никак. У неё... другой папа. Совсем другой. Не беспокойся об этом и спи спокойно.

Отодвигаю стул и встаю. Надеюсь, я это сделала внешне спокойно, потому что внутри мое сердце как на американских горках: то вверх, то вниз, то в стенку.

— Отлично, — произносит он. Но на лице нет облегчения. Наоборот, мне кажется на нем мелькает сожаление.

Или мне показалось?

Он на секунду отводит взгляд. Потом вновь смотрит на меня.

— Я не хочу лишних сложностей на работе, — говорит он ровно. — Да и вообще.

И снова та странная улыбка. Почти печальная.

— Просто... не знаю. Она чем-то похожа. На меня. Может, глаза. Или... выражение, когда сердится.

— Просто совпадение, — отвечаю тихо, мечтая побыстрее уйти.

Он кивает.

— Да. Наверное.

— Если на этом вопросы закончились, я вернусь к работе, — говорю я и быстро выхожу из конференц-зала.

Глава 4

Виталий

Я никогда не любил детей.

Слишком шумные, слишком непредсказуемые. А ещё им постоянно что-то нужно. Эмоции, внимание, время.

Все то, что я годами тратил на переговоры, контракты и глянцевые вечеринки с шампанским и девушками, имена которых забывал на утро.

И всё бы было по-прежнему, если бы не эта смешная девчушка в розовом спортивном костюме, с бантиками и серьёзным лицом маленького профессора.

Даже имя нелепо очаровательное. Малинка. Запоминается моментально. В отличие от многих других имён.

Полина заверила, что она не моя дочь. И я вроде бы почувствовал облегчение.

Вроде бы.

Даже сам себе сказал: "Ну и отлично. Ты же этого и боялся. Обязательств. Ответственности. Этой всей семейной драмы."

Я действительно не собирался становиться отцом. Никогда не фантазировал об уютном домашнем вечере у зажженного камина и лазающих по мне маленьких сорванцов.

Особенно после диагноза, который мне поставили в девятнадцать лет.

Стафилококковый эпидидимит, осложнение, воспаление, три больницы и вердикт от врача: «Вероятность иметь детей — крайне низкая. Почти нулевая.»

Но этого "почти" мне хватило, чтобы поставить крест и на отцовстве, и на семье.

Так даже и лучше. Зато будет карьера. Свобода. Яхты. Вино. Девушки. Без продолжения. И никакой нервотрепки с выяснением отношений.

Прекрасная жизнь. От зависти подохнуть можно.

Смотрю на экран ноутбука, где должны быть отчёты, а вижу розовый костюм и белые носки с зайчиками.

— Коклеты... - улыбаюсь, вспоминая тонкий голосок.

Но тут же одергиваю себя. Она — чужой ребёнок.

Но внутри будто кто-то тихо говорит: «А жаль».

Маленький, противный голос в голове. Который я годами заглушал, а он вдруг взял — и заговорил.

Потому что ей всё равно, кто ты.

Она не знает, сколько у тебя нулей на счету, не интересуется, какой у тебя статус.

Она просто села рядом. Спросила про котлеты. Спела "Ягода-малинка", покрутив головой так, что я чуть не поперхнулся.

И внутри как будто раскололась защитная скорлупа или чары злые рассеялись, и я стал тоже нормальным человеком, у которого в голове не только бизнес.

Честно признаться, когда сегодня увидел Полину, то заподозрил, что девица специально устроилась ко мне в компанию, чтобы предъявить мне ребенка и тянуть деньги.

Но девушка развеяла мои подозрения. Мне не о чем беспокоиться.

Можно выдохнуть и жить как раньше.

Откидываюсь на спинку кресла, выдыхаю, как учил невролог.

А потом вдыхаю — и понимаю, что где-то глубоко внутри "это не твоя дочь" — будто иголкой колет в самое сердце.

Нет, я правда не хочу обременять себя браком. Тем более с Полиной. Она даже не в моем вкусе - слишком простая, скромная, хоть и симпатичная.

Плюс у неё слишком честные глаза и упрямый подбородок. А я не привык, чтобы со мной спорили.

Но я бы, чёрт побери, не отказался иногда забирать эту девчонку с детсада. Покупать ей мороженое. Слушать её вечные "а почему".

Потому что впервые за много лет я почувствовал — мое внимание кому-то нужно. Просто внимание и время, что ответить на вопросы. Без притворства и подсчета выгоды от возможного ответа.

Если бы она и вправду оказалась моей...

Так, Марков, стоп. Чего-то ты разошелся. Она не твоя.

Тру лоб и возвращаюсь к отчётам. Стараюсь выкинуть из головы розовый костюм и песню.

Но...

Где-то внутри всё равно звучит:

«Ягода-малинка, о-о-о...»

Уже почти восемь вечера. Все разошлись. Я один в офисе, перебираю документы, пытаюсь обмануть самого себя, что у меня полно работы. Свидание я отменил, с друзьями в клуб не поехал. Я вообще сам не свой стал в последнее время. Старею что ли?

Что за бред мне сегодня лезет в голову? Мне всего тридцать пять. Гулять и гулять.

Телефон звонит.

Мама.

— Ты не забыл, какой сегодня день? — строго спрашивает он.

— Пятница? - закатываю глаза. Хорошо, что мама не видит, а то бы хлопнула меня по лбу полотенцем.

— Последняя пятница месяца, Виталик. Ужин с мамой. Я уже пирог испекла. Не опаздывай.

— Уже выезжаю.

В квартире пахнет корицей и запечёнными яблоками. Мама суетится, ставит чайник, ругает, что я опять похудел, и ворчит, что до сих пор никак не женюсь. Всё как всегда.

Накормив меня до отвала, мама заводит привычный разговор о детях моих двоюродных братьев, сообщает все новости всех родственников до пятого колена и привычно заканчивает вздохами сожаления о том, что ей внучат не видать.

— У тебя бы были чудесные дети! Как жестока судьба оказалась. Ты был таким милым малышом! И детки твои были бы хорошенькими, — говорит она вдруг, смахивая слезы и доставая с полки старый альбом. — Вот, посмотри.

На старых, выцветших фото я — пухленький, с огромными голубыми глазами.

На другом снимке — лет пяти, в нелепом вязаном костюмчике и с банкой варенья в руках.

И в груди у меня будто что-то замирает.

— Мам... Это точно я?

— Конечно ты. Что за вопрос? - мама удивленно протирает очки и снова водружает их на нос. - Это мы к бабе Тоне приехали, и ты у нее варенье стащил. А дядь Петя тогда новый фотоаппарат купил и щелкал всех подряд.

Вглядываюсь в фотографию — и в голове щелчок.

Те же щёки, те же губы. Те же глаза.

Это Малинка. Только без косичек!

Жму на газ. В голове всё гудит. Набираю безопасника и узнаю нужный адрес.

Зачем Полина мне соврала? Или мне все-таки показалось?

Останавливаю машину на парковке. Думаю, что сказать, чтоб не выставить себя идиотом-начальником, которому что-то почудилось.

Пока размышляю, на дорожке к дому появляется женщина с ребенком. Полина держит Малинку за руку. Девочка что-то весело рассказывает.

Они сворачивают к подъезду, и в этот момент со стороны подходит мужчина — высокий, крепкий, в спортивной куртке.

Малинка бросается к нему, будто по команде. А он подхватывает её на руки, кружит. Она хохочет.

Полина улыбается. Ласково. Спокойно. Без фальши. Они выглядят как семья.

Сложившийся пазл. Без меня.

Пытаюсь рассмотреть мужика получше. У девочки его подбородок. Та же ямочка, что и у мужчины.

Та же лёгкость в движении. Та же улыбка.

Полина не врала. Это и правда не моя дочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.